

ОЛИВИЯ ДРЕЙК

Тюхшценная
принцем

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д73

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Olivia Drake

ABDUCTED BY A PRINCE

Перевод с английского *Н. Л. Холмогоровой*

Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения литературных агентств Nancy Yost Literary Agency и Andrew Nurnberg.

Дрейк, Оливия.

Д73 Похищенная принцем : [роман] / Оливия Дрейк ; [перевод с английского Н.Л. Холмогоровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-120330-6

Элли Стратем вынуждена владеть жалкое существование гувернантки своей богатой кузины леди Беатрис, изо дня в день мечтая о том, как наконец вырвется из ненавистного дома и начнет самостоятельную жизнь. Но вдруг происходит непредвиденное — ее похищает опасный человек...

Демиан Берк, герой множества светских скандалов, не зря носит прозвище Принц-Демон. И все же похитить леди Беатрис с целью шантажа ее брата — пожалуй, чересчур даже для него. К тому же в результате нелепой ошибки его пленницей становится Элли.

Невозможно даже отпустить похищенную — Демиан и Элли отрезаны от всего мира снежной бурей в уединенном замке. Но хватит ли столь недолгого времени, чтобы оба поняли: с ними произошло не глупое недоразумение, а великое чудо любви?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-120330-6

© Olivia Drake, 2014
© Перевод. Н.Л. Холмогорова, 2020
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2020

Глава 1

— Это просто нелепость! — вскричал Уолт Стратем, виконт Гривз. — Дай мне отыграться!

— Лучше обсудим это наедине.

Заметив, что несколько членов клуба уже устремили на них любопытные взгляды, Демиан Берк провел разгневанного виконта в свой кабинет и закрыл дверь.

Посреди просторной комнаты, на мягком персидском ковре — лучшем, какой можно купить за деньги — высился массивный стол на львиных лапах. Час был поздний, и за высокими окнами стояла тьма, испещренная светящимися точками городских огней. От книжных полок у стены исходил легкий приятный запах кожаных переплетов. С противоположной стороны, разгоняя промозглый февральский холод, потрескивал огонь в камине.

Роскошь обстановки не была случайностью. В отличие от однокашников по Итону, наследовавших семейное богатство, Демиан начинал свой путь из нищеты. Всем, что имел, он был обязан самому себе. Все свое состояние сколотил сам: сперва за игорным столом, затем — разумными вложениями в недвижимость, морскую торговлю и в этот клуб.

Настойчиво и целеустремленно шел он к своей цели — превратить «Логово Демона» в самый модный игорный клуб Лондона. Здесь золото рекой лилось из карманов аристократов в его сундуки. Знать не желает принимать его у себя в гостиных? Что ж, будь он проклят, если не заставит этих высокородных гордецов платить за то, что принимает их у себя!

Особенно этого.

Демиан не стал приглашать клиента присесть у камина; вместо этого подошел к столу, извлек из кармана туго набитый кожаный кошель, бросил на полированную столешницу. В кошеле сухо загремели игральные фишки, выточенные из слоновой кости.

Виконт мрачно уставился на кошель. Неудивительно: сумма его проигрыша превышала пятилетнее содержание, которое он получал от графа Пеннингтона, своего отца! Граф имел репутацию человека сурового и жесткого — и, как говорят, умел считать деньги. В предстоящем сезоне он выводит в свет дочь, а это всегда большие расходы. Едва ли лорд Пеннингтон согласится оплачивать карточные долги беспутного старшего сына!

Уолт все больше мрачнел, представляя, как будут висеть у него на пятках кредиторы. Не спасет даже то, что он наследник графского титула! Единственное избавление — согласиться на условия, которые предложит ему Демиан.

Но сперва Демиан хотел насладиться своей победой.

С намеренной медлительностью он расстегнул кошель. Уолт мало изменился со школьных дней; он источал все то же врожденное чувство превосходства аристократа над «чернью». Однако теперь в светло-карих глазах, тревожно глядящих из-под взбитого рыжего «кока», ясно читалась паника. За много лет Демиан научился безошибочно угадывать тайные мысли и чувства людей по взглядам, гримасам, едва заметным жестам. Нервный тик, постукивание пальцами по столу, подергивание бровей — все это может подсказать, какие карты на руках у твоего противника.

Этот свой талант Демиан использовал и сегодня, чтобы овладеть добычей. Больше пятнадцати лет ждал он этого момента! Но теперь Демиан — не тот порывистый мальчишка, каким был в школьные годы; так что он не спешил и сохранял внешнее бесстрашие.

Высыпав фишки горкой на стол, он принялся раскладывать их аккуратными столбиками. В сущности, обращаться

к фишкам не требовалось: сумму своего выигрыша Демиан знал и без них. Эта процедура была призвана поиграть у Уолта на нервах.

— Настало время рассчитаться, — проговорил Демиан. — Перо и бумага вон там. Выпиши мне чек.

Уолт не сделал ни шага в сторону стола, на краю которого лежали листы бумаги и стояла чернильница. Вместо этого высокомерно вздернул подбородок:

— Черта с два! Будь ты джентльменом, дал бы мне шанс отыгаться!

— Извини, такого уговора у нас не было. Мы договорились, что победитель получает все.

— Только потому, что я думал...

— Думал, что я — легкая добыча.

Совсем как в Итоне. Легкая добыча: одинокий мальчишка-сирота, маленький и слабый для своего возраста, непонятно как попавший в эту школу — среди высокомерных отпрысков богатых и привилегированных семей.

Уолт нервно поправил лацканы своего бутылочно-зеленого сюртука.

— Это твой клуб. Наверняка ты как-то это подстроил!

Демиан ядовито усмехнулся. В своих неудачах Уолт вечно винил других, особенно тех, кто стоял ниже его на социальной лестнице. Никогда он не осмелился бы бросить такое обвинение в лицо джентльмену, равному себе! Как ни хотелось Демиану кинуться на него с кулаками — он понимал, что сейчас не должен выплескивать свою ярость в насилии. У него другая задача.

— Карты сдавал ты, — спокойно ответил он. — Если и было какое-то шулерство, то только с твоей стороны.

— Чуть собачья! Ты как-то пометил карты!

— А ты осмотрел колоду перед тем, как начать игру. Хватит этих отговорок. — Демиан подтолкнул к нему чернильницу и бумагу. — Выписывай чек.

Уолт не двигался с места, переминаясь с ноги на ногу.

— Нет смысла, — угрюмо ответил он наконец. — На моем счете таких денег нет.

Что ж, наконец-то перешли к делу! Теперь Уолту предстоит узнать, что Демиан вовсе не жаждет лишить его состояния.

По крайней мере, того, что выражается в деньгах.

— Попроси займы у своего отца, — бросил он, подходя к столу.

— Ни за что! Он терпеть не может игру и игроков!

— Правда? Что ж, похоже, ты попал в переделку!

Уолт неохотно потянулся за пером.

— Если так настаиваешь, напишу долговую расписку, — проговорил он. — Этого тебе хватит?

— Нет. Боюсь, не хватит. Буду откровенен: мне хотелось бы получить деньги до конца этой недели.

— Черт бы тебя побрал! — Уолт отшвырнул перо, и по бумаге разлетелись брызги чернил. — Чего ты от меня хочешь? Чтобы я продал душу какому-нибудь кровососу-ростовщику?

Демиан опустил в кресло перед столом и сплел пальцы. Настало время получить ответ на вопрос, который все эти годы жег его изнутри.

— Что ж, хорошо, — сказал он. — Раз денег у тебя нет, можешь заплатить мне по-другому.

— Как? Скажи!

Нотки отчаянной надежды в его голосе прозвучали для Демиана сладкой музыкой.

— У тебя есть вещь, принадлежащая мне. Верни ее — и я прошу тебе долг.

— Твоя вещь? — нахмурился Уолт. — Да мы с тобой, почитай, и не виделись после выпуска из Итона, а было это больше десяти лет назад!

— Ты украл ее у меня, когда мы учились. Напряги память, может быть, припомнишь этот случай.

Сам Демиан не забывал никогда. Воспоминания раскаленными угольями жгли его все эти годы. Быть может, все

было бы еще не так страшно, происходи он из родовитой, но обедневшей семьи. Но хуже всего, что происхождение Демиана было и осталось загадкой — даже для него самого.

Он вырос в бедном домишке на окраине Лондона, в Саутуарке, на руках у пожилой женщины, которую называл Мимси. Миссис Мимс учила его не только читать и писать — от нее он усвоил правильный аристократический выговор, азы математики, истории и географии. Быть может, поэтому с раннего детства Демиан чувствовал: он особенный. Не такой, как соседские оборванные мальчишки, бегающие по улицам. Иногда Мимси намекала, что в его жилах течет королевская кровь. Рассказывала ему сказки о принцах, победителях драконов, и заканчивала словами: «И ты должен быть таким же храбрым, как этот принц». Став постарше, Демиан начал спрашивать, где его родители. Мимси отвечала уклончиво: его, мол, доверили ей ради его безопасности.

Если в своих расспросах мальчик становился слишком настойчив, лицо Мимси омрачалось тревогой и печалью, и он умолкал. Демиан не решался расстраивать Мимси ради удовлетворения своего любопытства, ведь, кроме этой женщины, у него не было никого в целом свете.

Однажды они сели в почтовую карету, идущую в Виндзор, и приехали в Итон-колледж. Здесь, в душевной комнате, Демиану сначала пришлось долго читать и разбирать тексты и решать математические примеры. Потом вдвоем с Мимси они подошли к высокому зданию, увитому плющом. Здесь Мимси сказала, что ей нужно поговорить с кем-то наедине, и вошла внутрь, а Демиана оставила на каменных ступенях крыльца. Мимо ходили, поодиночке и группами, мальчишки постарше его в строгой итонской форме. Демиану они казались какими-то небожителями; рядом с ними он особенно остро ощущал, что сам одет неказисто и бедно. Наконец Мимси вышла и сообщила, что он принят в школу с про-

живанием. Демиан отчаянно протестовал, не желая, чтобы она бросила его одного среди незнакомцев, но Мимси была непреклонна.

Прежде чем уйти, она надела ему на шею тонкую золотую цепочку. На ней болтался железный ключик: его Мимси приказала Демиану спрятать под ворот рубашки.

— Я ждала подходящей минуты, чтобы передать это тебе, мой маленький принц. Когда тебя отдали мне, еще младенцем, этот ключ был спрятан в твоём одеяльце.

Демиан поднес ключ к глазам, рассматривая его, как зачарованный.

— Он принадлежал моему отцу? — спросил он. — А что он отпирает?

— Придет время, и ты все узнаешь. Все написано в письме. А пока храни ключ. Никогда никому его не показывай. Учись хорошо, мой мальчик, чтобы я могла тобой гордиться. — И, со слезами обняв мальчика и пообещав навещать его по праздникам, Мимси поспешила прочь.

Она так и не вернулась.

Перед самым Рождеством директор колледжа сообщил Демиану, что миссис Мимс скоропостижно скончалась от внезапной болезни. Новость эту он передал холодно, едва ли понимая, что во всем свете у мальчика нет больше ни единого близкого человека.

В тот день после уроков Демиан прокрался в сад, чтобы никто не стал свидетелем его слез. Довольно и того, что над ним издевались из-за бедности и безродности: он не хотел прибавлять к списку своих грехов звание плаксы. Демиан сел на землю за обнаженными кустами рододендрона, прильнув спиной к стене жилого корпуса. Холодный ветер кусал за щеки и за шею, пробирался под форменную курточку. Наконец горе взяло верх над мальчиком, и он зарыдал, утирая рукавом мокрое лицо.

Наплакавшись, он достал из-за жесткого форменного ворота ключ, провел по нему кончиками пальцев. С одного

конца — три зубца, с другого — выгравированная на стали корона в окружении каких-то завитушек.

Мимси больше нет, и этот ключ — единственная связь с его прошлым. Может быть, корона означает, что в нем действительно течет королевская кровь? О, как Демиан хотел в это верить! Всем сердцем желал однажды оказаться принцем, с собственным дворцом и сундуками, полными золота, чтобы ему завидовали все соученики! Что, если ключ отпирает сокровищницу в каком-нибудь замке?

Видения золотых корон и сверкающих драгоценных камней заполнили его воображение. Следом за этой мыслью пришла другая. Что, если король, его отец, томится где-нибудь в темнице и ждет, когда сын придет ему на помощь...

Звук приближающихся шагов вырвал его из фантазий. Демиан застыл, сжав ключ в руке.

Раздвинув кусты, подошел Уолт Стратем с двумя своими приятелями. С самого появления Демиана в школе эта троица выбрала его своей излюбленной жертвой.

— Эй! — позвал Уолт. — Что это у тебя на шее, цепочка? А может, ты у нас девчонка переодетая?

Другие двое захихикали, один подобрал воображаемые юбки и принялся семенить, передразнивая женскую походку. Демиан поспешно начал запихивать ключ за ворот. Но не успел.

— Дай-ка сюда! — Уолт схватил за золотую цепочку и рванул.

Не помня себя от ярости, Демиан бросился на него. Из всех своих слабых силенок молотил руками и ногами, думая лишь об одном — защитить драгоценный ключ! Кулак его врезался Уолту в нос, и тот отшатнулся, из носа заструилась кровь.

Следовало бы воспользоваться его замешательством и бежать; но ярость, рожденная горем, обратила Демиана в дикого зверя. Он кинулся на других двоих — и успел нанести несколько чувствительных ударов, прежде чем они, объеди-

нив силы, взяли над ним верх. Его швырнули на каменистую почву и прижали к земле.

В дикой ярости, забыв обо всякой осторожности, Демиан извивался и вопил:

— Отпустите меня! Я принц! Мой отец — король, он вам отрубит головы!

На миг наступило изумленное молчание. Затем троица разразилась издевательским хохотом.

— Король? — протянул один. — Да у тебя вообще нет отца!

Уолт, с окровавленным носом, оскалился в злой усмешке.

— Ты просто грязный ублюдок! — И потряс отнятым ключом на золотой цепочке. — А может, твой отец — сам дьявол? Так тебя и будем звать: Принц-Демон!..

— Так что же, Берк? Говори! Объясни, чего ты от меня хочешь!

Голос Уолта вырвал Демиана из прошлого. Все это давно позади: он сидит за столом в уединенном кабинете у себя в клубе, глядя в лицо своему давнему врагу. Виконт Гривз стоял перед ним, сжав кулаки. В светло-карих глазах читалось одно желание — любым способом расплатиться с карточным долгом и покончить с этим.

Уолт, очевидно, этого случая не помнил. И с чего бы? Он мучил Демиана Берка и издевался над ним не один, не два, а десятки раз — пока Демиан не вырос и не окреп настолько, что связываться с ним стало опасно.

— В первый наш школьный год ты отнял у меня ключ, — сухо сказал Демиан. — Напал на меня за жилым корпусом, вместе с двумя приятелями.

— Ключ? — На лице у Уолта мелькнул проблеск понимания; но в следующий миг он сощурил глаза и плотно сжал губы. — И ты готов простить весь мой проигрыш за какую-то давно потерянную безделушку? Да ты с ума сошел!

— Неважно. Верни мне ключ.

Уолт сделал шаг назад, запустил пальцы в рыжие волосы.

— Боже ты мой, да это было пятнадцать лет назад! Неужели ты думаешь, я помню, что с ним стало? Скорее всего, выбросил его куда-нибудь в мусор.

— Тогда ты не так говорил. Ты дразнил меня: говорил, что спрятал ключ в таком месте, где я никогда его не найду.

— Правда? Ну, даже если и так, сейчас я совсем этого не помню.

Однако говоря это, Уолт отводил глаза, старался не встречаться с ним взглядом. Явный знак обмана! Демиан ощутил, что внутри у него словно туго сжимается какая-то пружина. Уолт лжет! Он знает, где ключ!

— Значит, напряги память, — резко ответил он. — Это твой единственный шанс расплатиться с долгом.

Уолт смерил его ненавидящим взглядом.

— Да на кой черт тебе этот ключ? — воскликнул он. — Что за ларец с сокровищами он открывает? Не удивлюсь, если узнаю, что уже тогда ты где-нибудь припрятывал краденое!

Огромным усилием воли Демиан сохранил внешнее спокойствие.

— Верни мне ключ, — медленно и отдельно повторил он. — Даю тебе срок до завтрашнего вечера.

— Так быстро не выйдет! — возразил Уолт; взгляд его блеснул хитростью.

— Даже не думай, что сможешь меня обмануть. Я помню этот ключ во всех подробностях и сразу узнаю подделку. — Сделав драматическую паузу, Демиан добавил: — Если же ты не выполнишь свою часть сделки, мне придется поискать другие способы взыскать с тебя долг. Возможно, такие, которые не придутся тебе по душе.

— И что это значит?

Демиан позволил себе холодную усмешку.

— Кажется, твоя сестра готовится сейчас к своему первому балу? Невинные девицы, никогда еще не бывавшие в свете, бывают очень уязвимы для чар загадочных незнакомцев...

При этих словах виконт так побледнел, что на щеках ярко выступили веснушки.

— Ты... ты... не смей даже приближаться к Беатрис, слышишь?

— Тогда делай, как я говорю. Верни мне ключ.

Ноздри Уолта раздувались, и тяжело вздымалась грудь под бутылочно-зеленым сюртуком. Он стукнул кулаком по столу, и костяные фишки полетели в разные стороны.

— Ублюдок! Может, ты и научился прикидываться джентльменом, но остался тем, кем был, — комком уличной грязи!

И, развернувшись, вылетел за дверь.

«Ублюдок...»

Демиан поднялся из-за стола и подошел к окну, вглядываясь в ночь. Сколько лет прошло, а это мерзкое словечко до сих пор жжет огнем. Ведь и сейчас он ровно ничего не знает о своих предках. И это не дает ему покоя. Мучает желание выяснить, кто же он на самом деле. Теперь не только ради себя — ради Лили.

При мысли о дочери что-то сжало ему сердце. Лили всего шесть лет, и пока отец составляет весь ее мир; но уже скоро она захочет знать, где ее бабушка и дедушка. Кем они были, откуда, почему покинули сына. Мимси упоминала какое-то письмо, должно быть, от его родителей, в котором будто бы все разъясняется. Но после ее смерти никакого письма он не получил. И позднее, когда приехал в Саутуарк и попытался выяснить, что стало с вещами Мимси, так ничего и не добился. Только Мимси знала ответы, и с ее смертью захлопнулась дверь, способная привести Демиана к прошлому.

Но есть еще ключ. Ключ, который может открыть эту дверь.

За спиной послышались неровные шаги. В оконном стекле появилось отражение слуги — кривоногого коротышки: отблеск газовых светильников блестел у него на голове, голый, словно бильярдный шар. Финн Макнаб, бывший прислугой в Итоне, в школьные годы оставался единственным

союзником Демиана. Только ему и его жене Демиан поверял свои тайны.

Однако сейчас Демиан не нуждался в обществе. Повернувшись, он резко сказал:

— Хотелось бы верить, что ты не подслушивал у дверей.

Финн оскалил в улыбке желтые зубы.

— А какой смысл под дверью-то торчать? Все одно ничего толком не расслышишь, — ответил он с густым шотландским акцентом. — И что же, вспомнил его милость, что стряслось с ключом?

— Мялся и вилял. Но он знает. Я уверен.

— И он принесет вам завтра ключ?

— А что ему остается?

Финн вздернул кустистую бровь.

— Вы уж меня извините, сэ,р, но этим знатным да родовитым одержать верх в схватке куда проще, чем нам, простым смертным.

— Не в этот раз. — Демиан помолчал; в уме его принимал все более четкие очертания смелый план. — Если он откажется мне подчиниться, я похищу его сестру. И ключ станет за нее выкупом.

Глава 2

Следом за кухней мисс Элоиза Стратем перешагнула порог роскошного особняка и в нерешительности застыла у дверей, понимая, что в случае чего вина ляжет на ее плечи. В холле было холодно, и она пожалела о том, что отдала прислуге свой плащ. Но еще больше — о том, что позволила Беатрис уговорить себя на эту авантюру.

Даже не уговорить — скорее, просто застать врасплох. Кухина ни о чем ее не предупреждала, просто вдруг приказала кучеру остановиться. У Элоизы почти не оставалось времени ее переубедить!

Едва лакей, призванный доложить об их приезде, скрылся наверху широкой лестницы, Элоиза повернулась к младшей кухне, которая уже бродила по холлу, разглядывая выставленные здесь objets d'art.

— Нам нельзя было сюда приезжать! — проговорила она взволнованным полусшепотом. — Это непростительная дерзость!

Леди Беатрис — настоящая принцесса в пастельно-голубом платье с кружевными оборками — оторвалась от созерцания алебастрового блюда и махнула затянутой в перчатку рукой:

— Элли, умоляю, обойдись без нравоучений! Мы уже здесь, и ничего ты с этим не сделаешь.

— Но это совершенно недопустимо — являться без приглашения к незнакомой даме, тем более к одной из столпов общества! Ты даже еще официально не закончила школу!

— Да хватит тебе! Через несколько недель у меня первый бал. — Беатрис перешла к зеркалу в позолоченной раме полюбоваться своим отражением. Сняла шляпку и положила на стол, поправила золотистые локоны. — Кстати, о балах: я намерена в первый же сезон найти себе самого блестящего жениха! И, надеюсь, леди Милфорд мне в этом поможет.

Упрямство и азарт в голубых глазах кухни обещали Элли одни неприятности. Взбалмошная Беатрис привыкла получать все, что захочет — а если что-то само не падало ей в руки, добивалась своего, не гнушаясь никакими средствами. С тех пор как Элли потеряла родителей и переехала к своему дядюшке, графу Пеннингтону, младшая кухня была для нее постоянной головной болью.

— Если дядюшка узнает о твоей выходке, то придет в ярость, — предупредила Элоиза. — Ты же знаешь, какой он ревнитель приличий! Тебе всего семнадцать, так что он запросто может решить отложить твой выход в свет до будущего года.

Беатрис звонко рассмеялась в ответ.

— Не говори глупостей! Папа не сможет долго на меня сердиться. К тому же сейчас он в «Уайте» и не вернется домой до вечера. — Ей наскучило спорить, и она перепорхнула к мраморному пьедесталу в углу. — Ты только посмотри, какая изящная китайская ваза! Право, у леди Милфорд в самом деле безупречный вкус!

Но Элли словно прилипла к одной из колонн зеленоватого мрамора у входа. Как хотелось ей бежать из этого дома, сесть в экипаж, ждущий на улице, и оставить Беатрис одну пожинать плоды собственного безрассудства! К несчастью, именно этого Элоиза сделать никак не могла. Ведь она отвечает перед лордом Бэзилем за поведение его единственной дочери, рано лишившейся матери.

С годами Элли успешно вошла в роль гувернантки младшего кузена и кузины. Посвящая себя их воспитанию, а также работе по дому и мелким услугам бабушке, она не так остро ощущала, что живет у дядюшки из милости. И без того тяжело было сознавать, что графу пришлось выплачивать долги младшего брата, ее покойного отца. Так что Элли неустанно трудилась, стремясь хоть отчасти отплатить дядюшке за его доброту. Теперь, когда Седрик уехал в школу, на ней лежала лишь одна забота — благополучно вывести в свет Беатрис.

Однако явиться незваными к высокопоставленной леди Милфорд и просить ее о покровительстве — едва ли мудрое решение этой задачи. Одна ошибка, одно какое-нибудь бездумное замечание — и неосторожная девушка станет в свете изгоем. И вина за это, как догадывалась Элли, ляжет на ее плечи.

Хуже того: если выход в свет Беатрис придется отложить, это отложит еще на год исполнение мечты самой Элли. Ничто так ее не угнетало, как мысль о вечной зависимости от дядюшкиных щедрот. Ей было уже двадцать шесть — и всем сердцем она стремилась к независимости и к исполнению своих потаенных желаний.